
Полуденная
королева
Максим Рязанцев

Максим Рязанцев

Полуденная королева

«Автор»
2026

Рязанцев М.

Полуденная королева / М. Рязанцев — «Автор», 2026

Я не прошу у Бога прощения. Я знаю, что не заслуживаю его.Я взошла на престол с чистыми руками и добрым сердцем, а стала палачом для собственной семьи. Я подписывала приказы о казнях, я смотрела, как гаснут глаза тех, кого любила. И я делала это снова и снова, потому что знала: если я остановлюсь, мою страну сожрут изнутри.Сегодня я отдала приказ казнить своего брата. Завтра я умру сама.Это история о жертве, которую никто не оценит. О женщине, которая держала небо на плечах, пока оно не раздавило её. Если вы готовы к истории, которая оставит после себя звонкую, ледяную пустоту в душе - открывайте первую страницу.

© Рязанцев М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I 6
Глава первая. Игры в корону. 6
Глава вторая. Уроки отца. 8
Глава третья. Полуденная королева. 11
Глава четвёртая. Первое имя. 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Полуденная королева

Часть I

Глава первая. Игры в корону.

Кровь на коленях была не её.

Она стояла посреди тронного зала, маленькая, десятилетняя, с разбитыми в кровь коленками и растрёпанной косой. Перед ней на полу лежал мальчик — её брат, восьмилетний, с рассечённой губой и злыми, полными слёз глазами.

— Она первая начала! — крикнул он.

— Он первый толкнул! — крикнула она.

Отец сидел на троне. Не вставал. Не кричал. Просто смотрел на них сверху вниз — так, как смотрят на карту перед битвой.

— Кто первый толкнул? — спросил он тихо.

Молчание.

— Я, — сказал брат. — Но она сказала, что я не умею играть в короля. Что я всё делаю неправильно.

— А ты? — Отец повернулся к ней. — Ты сказала ему это?

— Сказала, — ответила она. — Потому что это правда. Он схватил скипетр и размахивал им, как дубиной. Король не размахивает скипетром. Король им указывает.

Отец откинулся на троне. На его губах промелькнула тень улыбки — но глаза остались серьёзными.

— Подойди, — сказал он.

Она подошла. Колени саднило, но она не хромала. Не хотела, чтобы он видел.

Отец взял её руку и положил ей на ладонь маленький деревянный скипетр — тот самый, которым брат размахивал минуту назад.

— Покажи, — сказал он. — Как король указывает.

Она подняла скипетр. Медленно, плавно, словно рисовала в воздухе линию. Не ударила. Не взмахнула. Просто указала — вперёд, в сторону двери.

— Туда, — сказала она. — Если король указывает, все смотрят туда. И идут туда. А если он размахивает — все смотрят на него. И смеются.

Отец кивнул. Медленно.

— А если они не хотят идти? — спросил он. — Если они смеются?

Она задумалась. Тогда она ещё не знала ответа.

— Тогда… — начала она, — тогда король должен…

— Король должен быть справедливым, — перебил брат с пола. Он уже встал, вытирал губу рукавом, и в его глазах горела обида. — Ты сам говорил. Справедливость — это равновесие.

Отец посмотрел на него. Долго. Потом сказал:

— Ты запомнил. Хорошо. Но ты не понял.

Он встал с трона. Подошёл к брату, положил руку ему на плечо.

— Справедливость — это не прощение. Это равновесие. Но чтобы держать равновесие, нужна рука. Твёрдая. Ты можешь быть справедливым и слабым — и тогда твою справедливость растопчут. Ты можешь быть справедливым и жестоким — и тогда твою справедливость проклянут. Но если ты справедлив и силён — тебя запомнят.

Он повернулся к ней.

— Ты указала. Это хорошо. Но ты не ответила, что делать, если они не идут.

Она подняла на него глаза.

— Я придумаю, — сказала она. — Когда вырасту.

Отец улыбнулся — впервые по-настоящему, тепло.

— Я знаю, — сказал он. — Поэтому и учу тебя.

Вечером они сидели на кухне.

Повариха — толстая, добрая, с руками в муке — поставила перед ними тарелку с пирожками. С вишней и творогом. Брат схватил два сразу, и вишнёвый сок потёк у него по подбородку.

— Ты будешь королевой, — сказал он с набитым ртом. — А я?

— Ты будешь моим братом.

— Это не должность.

— Это больше, чем должность.

Он помолчал. Потом отложил пирожок.

— Я не хочу быть никем, — сказал он тихо. — Я не хочу, чтобы все смотрели на тебя и не замечали меня.

Она взяла его за руку. Как тогда, в тронном зале, когда он протянул ей ладонь и сказал «пожалуйста».

— Я не позволю тебе быть никем, — сказала она. — Я что-нибудь придумаю. Когда вырасту.

Он посмотрел на неё. И в его глазах было что-то, чего она не поняла тогда. Что-то холодное. Словно он уже знал, что она не сможет сдержать обещание.

— Посмотрим, — сказал он.

Ночью она не спала.

Она вышла в коридор и услышала голоса из комнаты брата. Приоткрыла дверь.

Брат сидел на кровати. Рядом — няня, старая, с добрым лицом. Брат плакал.

— Она всё равно будет королевой, — говорил он. — А я — никем. Я не хочу быть никем.

Няня гладила его по голове.

— Ты будешь братом королевы. Это тоже много.

— Это ничего, — сказал он. — Это пустое место.

Она закрыла дверь и вернулась в свою комнату.

Она не сказала ему, что слышала. Не сказала, что ей тоже страшно — страшно от того, что отец смотрит на неё так, будто ждёт чего-то, чего она ещё не понимает.

Она просто легла в постель и закрыла глаза.

Я не позволю тебе быть никем, подумала она. *Я что-нибудь придумаю.*

Тогда она ещё верила, что всё можно исправить.

Глава вторая. Уроки отца.

Пять лет спустя она уже не бегала по коридорам с разбитыми коленями.

Ей было пятнадцать. Она носила тёмное платье без украшений — сама так решила, потому что украшения отвлекали. Она сидела в кабинете отца каждый вечер с тех пор, как ей исполнилось тринадцать, и слушала. Слушала, как он разбирает прошения. Как решает споры между домами. Как считает, сколько зерна можно отдать на север, чтобы там не начался голод, и сколько оставить в столице, чтобы не начался бунт.

Она запоминала. Всё. Имена, цифры, лица. Она не записывала — отец не разрешал. *«Если ты не можешь запомнить, значит, тебе это не нужно».*

В тот вечер он позвал её в подвал.

Она никогда раньше не была в подвале. Там было темно, пахло сыростью и старым железом. Факелы горели неровно, и тени метались по стенам.

В центре комнаты стоял стол. На столе лежали бумаги — много бумаг. И рядом — человек. Худой, в рваной рубахе, с лицом, покрытым синяками.

— Кто это? — спросила она.

— Писарь, — сказал отец. — Он подделывал указы. Три месяца. Брал деньги у дворян, которые хотели землю без моего ведома.

Она смотрела на человека. Он смотрел на неё. В его глазах был страх.

— Что с ним будет? — спросила она.

— Это решать тебе, — сказал отец.

Она повернулась к нему.

— Мне?

— Тебе. Через год ты начнёшь присутствовать на судах. Через два — будешь выносить приговоры сама. Я хочу увидеть, как ты думаешь.

Она посмотрела на писаря. Потом на бумаги. Потом снова на отца.

— Он виновен?

— Он признался.

— Под пыткой?

Отец не ответил. Это был ответ.

Она подошла к столу. Взяла бумаги. Пробежала глазами — подписи, печати, суммы. Всё было подделано аккуратно. Почти идеально. Если бы не одна ошибка — дата, которая стояла на указе, была раньше, чем указ мог быть издан. Писарь поспешил.

— Он умный, — сказала она. — Но невнимательный.

— Дальше.

Она закрыла глаза. Подумала.

— Он брал деньги у дворян. Значит, дворяне знали, что указы поддельные. Значит, они тоже виновны. Если я казню его одного — они останутся. И найдут другого писаря.

Отец молчал. Ждал.

— Я не могу казнить дворян, — продолжила она. — У них земли, люди, связи. Если я начну их казнить, начнётся война. Но я не могу оставить их безнаказанными. Значит…

Она открыла глаза.

— Значит, я должна сделать так, чтобы они сами захотели его наказать. Публично. Чтобы все видели, что подделка указов — это не просто преступление. Это оскорбление короны. И тогда они не посмеют повторить.

— Как?

— Я соберу их. Всех, кто платил. Скажу, что знаю. И предложу выбор: либо они отдают земли, которые получили по поддельным указам, либо я начинаю расследование. Публичное. С именами.

Отец улыбнулся. Медленно.

— А писарь?

— Он умрёт, — сказала она. — Но не сегодня. Сегодня он расскажет мне всё, что знает. Имена, суммы, даты. А потом умрёт. Тихо. Без площади. Потому что площадь — для дворян. А он — никто. Его смерть не должна быть зрелищем.

Отец подошёл к ней. Положил руку на плечо.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Она не чувствовала гордости. Только усталость. Словно она только что подписала приговор — и это было правдой.

Брат ждал её в коридоре.

Он вырос. Ему было тринадцать, и он был выше её на полголовы. Но глаза были те же — холодные, внимательные.

— Ты была в подвале, — сказал он. — С отцом. С писцом.

— Да.

— Он заставил тебя решать?

— Да.

Брат прислонился к стене. Скрестил руки.

— И что ты решила?

Она рассказала. Коротко, без деталей. Он слушал молча. Потом сказал:

— Ты бы казнила его.

— Я бы дала ему умереть. Это не одно и то же.

— Для него — одно.

Она посмотрела на брата. В его голосе не было злости. Было что-то хуже. Разочарование.

— Ты считаешь, что я поступила неправильно?

— Я считаю, что ты поступила как отец. — Он оттолкнулся от стены. — А я бы поступил иначе.

— Как?

— Я бы простил его.

— И тогда завтра пришли бы десять таких, как он.

— Может быть. — Брат пожал плечами. — Но я бы хотя бы попробовал.

Он ушёл. Она смотрела ему вслед. И впервые подумала: *он не просто не хочет быть никем. Он хочет быть не таким, как мы. Как я.*

Отец умер зимой.

Он не болел долго. Простудился на охоте, пролежал неделю, потом позвал её к себе. В комнате пахло лекарствами и воском. За окном шёл снег — тихий, густой, как в детстве.

— Сядь, — сказал он. Голос был слабым, но глаза — те же, тёмные, как вода в колодце.

Она села на краешек кровати. Он взял её руку. Его пальцы были сухими и горячими.

— Ты помнишь, что я сказал тебе про справедливость?

— Справедливость — это не прощение. Это равновесие.

— Хорошо. — Он закрыл глаза. — А теперь слушай внимательно. Это последнее, что я тебе скажу.

Она наклонилась ближе.

— Ты будешь королевой. Но корона — это не власть. Это долг. Каждый день ты будешь выбирать, кого спасать. И каждый раз тебе будет казаться, что ты выбираешь неправильно. Не слушай тех, кто скажет, что ты жестока. Не слушай тех, кто скажет, что ты слаба. Слушай

только себя. И помни: если ты однажды остановишься — не потому, что устала, а потому, что испугалась, — всё, что мы строили, рухнет.

— Я не испугаюсь, — сказала она.

Он открыл глаза. Улыбнулся — впервые за много дней.

— Я знаю, — сказал он. — Поэтому и выбрал тебя.

Он умер ночью. Она была рядом. Держала его за руку, пока та не остыла.

На похоронах брат стоял рядом с ней. Он не плакал. Он смотрел на гроб и молчал. А когда все разошлись, повернулся к ней и сказал:

— Теперь ты королева.

— Да.

— А я — никто.

Она хотела ответить. Хотела сказать, что он ошибается. Что она даст ему должность, землю, место в совете. Но он уже ушёл — быстро, не оглядываясь. И она поняла, что впервые за всё время не знает, что сказать.

В ту ночь она впервые пошла в храм.

Одна. Без свиты. В простом платье. Батюшка — тот самый, старый, с седой бородой — открыл ей дверь и не удивился. Словно ждал.

— Дитя, — сказал он.

Она опустилась на колени перед алтарём. Камень был холодным. Свечи горели неровно.

— Я не знаю, что делать, — сказала она. — Отец умер. Брат меня ненавидит. Завтра я стану королевой. И я не готова.

Батюшка помолчал. Потом сказал:

— Твой отец приходил сюда, когда ты была маленькой. Он молился за тебя. Каждую неделю. Не за королевство. За тебя.

Она подняла голову.

— Он никогда мне не говорил.

— Он не хотел, чтобы ты знала. Он говорил: «Пусть она думает, что я сильный. Ей нужен сильный отец».

Она закрыла глаза. И впервые за много лет почувствовала, как что-то горячее подступает к горлу. Но не заплакала. Стиснула зубы и не заплакала.

— Научите меня молиться, — сказала она. — Не за себя. За него. И за брата.

Батюшка положил руку ей на плечо — впервые. Тяжёлую, сухую, тёплую.

— Я научу, — сказал он. — Приходи. Всегда приходи. Здесь ты можешь быть не королевой. Здесь ты просто дитя.

Она кивнула.

Утром её ждала коронация.

Глава третья. Полуденная королева.

Коронация была назначена на полдень.

Не на рассвет, как у её отца, и не на закат, как у деда. Полдень — время, когда солнце стоит прямо над головой и тени исчезают. Она выбрала это время сама. Советники удивились, но не спорили. Они ещё не знали, что спорить с ней бесполезно.

— Полдень — это когда всё видно, — сказала она канцлеру, когда он робко спросил о причине. — Ни утром, ни вечером. В полдень не спрячешься.

Канцлер поклонился. Он был старый, служил ещё её отцу, и в его глазах она читала то, чего не хотела: сомнение. Он смотрел на неё и видел девочку. Ту самую, что бегала по коридорам с разбитыми коленями и спорила с братом о том, как правильно держать скипетр.

Ничего, подумала она. *Скоро перестанешь.*

Платье было тяжёлым.

Тёмно-синий бархат, расшитый серебром, с длинным шлейфом, который несли четыре фрейлины. Корона — не та, что носил отец, слишком большая и тяжёлая, — а другая, поменьше, с простыми зубцами. Она настояла на этой.

— Корона не должна быть тяжелее головы, которая её носит, — сказала она портному.

Тот переглянулся с советниками, но уступил.

Брат стоял в первом ряду. В чёрном, с непроницаемым лицом. Он не улыбнулся, когда она прошла мимо. Не кивнул. Просто смотрел — прямо, холодно, как на чужую.

Она не отвела взгляд. Не могла себе позволить.

Архиепископ возложил корону ей на голову. Толпа в соборе вздохнула — единым выдохом, который прокатился под сводами и растаял. Она стояла прямо, смотрела поверх голов, на витраж с изображением первого короля. Тот тоже был молод, когда взошёл на трон. Тоже, наверное, боялся.

Король не имеет права на страх. Но имеет право на слёзы. Главное — чтобы их никто не видел.

Она не заплакала.

Первый приговор она подписала через три дня.

Барон Эдвард Фрост — шестидесяти лет, владелец земель на юге. Его обвиняли в том, что он тайно торговал с вражеским королевством: продавал зерно, пока её страна голодала. Доказательства были неполными — пара писем, показания двух слуг, которые могли быть подкуплены. Но Совет настаивал. Война была на пороге, и нужен был пример.

Она сидела в кабинете отца — теперь своём — и держала перо. Чернила были холодными. Как всегда.

— Ваше Величество, — сказал канцлер. — Мы можем подождать до утра.

Она подняла на него глаза. Он смотрел с той же осторожностью, что и на коронации. Девочка. Он всё ещё видел девочку.

— Утро не сделает его менее виновным, — сказала она.

И подписала.

Казнь была назначена на рассвете.

Она не пошла. Не могла — ещё не могла. Но весь день она чувствовала, как что-то давит на грудь. Словно корона стала тяжелее. Словно воздух в кабинете стал гуще.

Она пыталась работать. Читала донесения, подписывала бумаги, принимала послов. Но перед глазами стояло лицо барона — она видела его один раз, на приёме, ещё при отце. Старик с седой бородой и добрыми глазами. Он подарил ей тогда куклу. Она не помнила, куда её дела.

Вечером она накинула плащ и вышла через боковую дверь. Стража сделала вид, что не замечает.

Карета ждала у чёрного хода. Старая, скрипучая, с выцветшей обивкой. Кучер — старик, служивший ещё её отцу, — не задавал вопросов. Он просто открыл дверцу и помог ей сесть.

Дорога до храма занимала четверть часа. Она знала каждый поворот, каждую выбоину. Знала, где фонари горят ярче, а где — тускло. Знала, что на третьем перекрёстке всегда пахнет мокрой собакой, а на пятом — печёным хлебом из пекарни, которая открывалась затемно.

Она не смотрела в окно. Она считала удары сердца.

Батюшка ждал её у входа.

Он не удивился. Словно знал, что она придёт. Словно ждал её с того самого дня, когда она стояла здесь на коленях перед коронацией.

— Дитя, — сказал он.

Она вошла внутрь. Свечи горели неровно, и тени метались по стенам, как испуганные птицы. Она опустилась на колени перед алтарём — не на подушку, а на голый камень. Колени тут же отозвались болью, но она не обратила внимания.

— Барон Эдвард Фрост, — сказала она. — Шестьдесят лет. Торговал с врагом. Казнён сегодня на рассвете.

Батюшка молчал.

— Я не знаю, был ли он виновен до конца, — продолжила она. — Я не знаю, не подкупили ли тех слуг. Я знаю только, что если я начну проверять каждое обвинение, я перестану успевать подписывать приговоры тем, кто действительно виновен. А если я перестану подписывать приговоры, начнётся хаос.

Она подняла глаза на распятие.

— Я не прошу за него прощения. Я прошу, чтобы его смерть что-то значила.

Батюшка подошёл и встал рядом. Не касаясь. Просто рядом.

— Ты помнишь, что сказал твой отец, когда впервые привёл тебя сюда? — спросил он.

— Помню. «Король не имеет права на страх. Но имеет право на слёзы. Главное — чтобы их никто не видел».

— А ты плачешь?

Она не ответила.

Она не плакала. Ни тогда, ни потом. Слёзы были роскошью, которую она не могла себе позволить. Но она приходила снова — после каждой казни. И называла имена. И батюшка слушал.

Брат пришёл к ней через неделю.

Он вошёл без стука — впервые за всё время. Встал у двери, скрестив руки на груди.

— Ты подписала приговор Фросту, — сказал он.

— Да.

— Его вина не доказана.

— Его вина доказана достаточно.

— Для кого? — Он сделал шаг вперёд. — Для Совета? Для тебя? Или для тех, кто хочет, чтобы ты выглядела жестокой?

Она отложила перо. Посмотрела на него.

— Ты пришёл учить меня, как править?

— Я пришёл сказать, что ты делаешь ошибку. — Его голос был ровным, но в нём дрожало что-то — не злость, а обида. Та самая, детская. — Отец учил тебя думать, прежде чем подписывать. А ты подписываешь, чтобы показать, какая ты сильная.

Она встала. Медленно. Корона осталась на столе — она редко её носила в кабинете.

— Отец учил меня, что справедливость — это равновесие, — сказала она. — И что если я остановлюсь, всё рухнет. Ты был там. Ты слышал.

— Я слышал, как он говорил это тебе. Мне он ничего не говорил.

Они стояли друг напротив друга. Между ними было пять шагов и пять лет отчуждения.

— Я не хочу ссориться, — сказала она тихо. — Ты мой брат.

— Ты моя королева, — ответил он. — Это разные вещи.

Он повернулся и вышел. Дверь закрылась без стука.

В ту ночь она долго сидела перед старыми часами — тем самым подарком от другого короля. Позолота по краям уже стёрлась. Стрелки двигались медленно, тяжело, словно им было трудно отмерять её время.

Она смотрела на них и думала: *он сказал «разные вещи». Но я не позволю ему быть никем. Я что-нибудь придумаю.*

Она ещё верила, что всё можно исправить.

Глава четвёртая. Первое имя.

Через две недели после казни Фроста она узнала, что он был невиновен.

Ей принесли письмо. Без печати, без подписи — просто лист бумаги, сложенный вчетверо. Один из слуг, которые давали показания против барона, сознался перед смертью. Он умирал от лихорадки и позвал священника. Сказал, что его подкупили. Что барон не торговал с врагом. Что зерно, которое он продавал, шло в голодающие деревни на юге — те самые, которые теперь сожгли вражеские армии.

Она прочитала письмо дважды. Потом положила на стол.

Чернила в чернильнице были холодными. Как всегда.

Она не заплакала.

Не могла. Слёзы были роскошью, которую она не могла себе позволить — особенно теперь, когда знала, что убила невиновного. Если она заплачет, если она позволит себе хотя бы на минуту почувствовать это — она сломается. А сломанная королева не нужна никому.

Она сидела в кабинете отца и смотрела на часы. Стрелки двигались медленно, тяжело. Время шло, и с каждым ударом она слышала голос брата: *«Ты подписываешь, чтобы показать, какая ты сильная».*

Он был прав. Не в том, что она хотела показать силу. В том, что она подписала, не подумав. Не проверив. Не задав вопросов, которые должна была задать.

Она взяла перо. На чистом листе бумаги написала одно имя:

Барон Эдвард Фрост.

Потом второе:

Слуга, который сознался. Имя неизвестно.

Она смотрела на эти два имени долго. Потом сложила лист и убрала в ящик стола.

В ту ночь она пошла в храм.

Батюшка ждал её у входа. Как всегда.

Она опустилась на колени на голый камень. Свечи горели неровно.

— Барон Эдвард Фрост, — сказала она. — Шестьдесят лет. Невиновен. Казнён по моему приказу.

Батюшка молчал.

— Я не знала, — продолжила она. — Я могла узнать. Могла проверить. Могла подождать. Но я не стала. Я подписала, потому что Совет настаивал. Потому что мне нужен был пример. Потому что я боялась выглядеть слабой.

Она подняла глаза на распятие.

— Я не прошу прощения. Я прошу, чтобы это не повторилось.

Батюшка подошёл и встал рядом. Не касаясь. Просто рядом.

— Ты будешь помнить его имя? — спросил он.

— Буду.

— Каждую казнь?

— Каждую.

— Даже если их будут сотни?

Она закрыла глаза.

— Особенно если их будут сотни.

Утром она вызвала канцлера.

— Я хочу знать всё, — сказала она. — О каждом, кого я приговариваю. Не только обвинение. Всё. Кто свидетельствует. Кто может быть подкуплен. Кто заинтересован в смерти.

Канцлер смотрел на неё с той же осторожностью, что и всегда.

— Ваше Величество, это замедлит суды. Мы не успеваем…

— Мы успеем, — сказала она. — Потому что если я ещё раз подпишу приговор невиновному, я не смогу смотреть в глаза ни себе, ни Богу.

Она не сказала «ни брату». Но подумала.

Брат пришёл к ней через месяц.

Он вошёл без стука — как всегда. Но на этот раз не стал стоять у двери. Сел в кресло напротив, без приглашения, и положил ногу на ногу.

— Я слышал, ты изменила порядок судов, — сказал он. — Теперь ты требуешь полное расследование перед каждым приговором.

— Да.

— Это займёт время. Люди будут ждать месяцами. Некоторые умрут в камерах, так и не дождавшись суда.

— Лучше умереть в камере, чем на площади за то, чего не совершал.

Он помолчал. Потом сказал тихо:

— Ты узнала про Фроста.

— Да.

— И что теперь?

Она посмотрела на него.

— Теперь я буду помнить его имя. Каждую ночь. И я больше не подпишу приговор, не убедившись.

Брат усмехнулся. Коротко, без тепла.

— А если ты не сможешь убедиться? Если доказательства будут неполными, а Совет будет настаивать?

— Тогда я буду ждать.

— А если враг у ворот? Если хаос?

Она встала. Медленно. Корона осталась на столе.

— Тогда я буду выбирать, — сказала она. — Каждый раз. И каждый раз буду помнить, что могу ошибиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.